

Митрополит Антоний
Сурожский
О СМЕРТИ

[Аудиозапись](#)

У меня отношение к смерти своеобразное, и мне хочется объяснить, почему я к смерти отношусь не только спокойно, но с желанием, с надеждой, с тоской по ней.

Мое первое яркое впечатление о смерти — разговор с моим отцом, который мне как-то сказал: “Ты должен так прожить, чтобы научиться ожидать свою смерть так, как жених ожидает свою невесту: ждать ее, жаждать по ней, ликовать заранее об этой встрече, и встретить ее благоговейно, ласково”. Второе впечатление (конечно, не сразу, а много спустя) — смерть моего отца. Он скончался внезапно. Я пришел к нему, в бедную комнатку на верхушке французского дома, где была кровать, стол, табуретка и несколько книг. Я вошел в его комнату, закрыл дверь и стал. И меня обдала такая тишина, такая глубина тишины, что я, помню, воскликнул вслух: “И люди говорят, что существует смерть!.. Какая это ложь!”. Потому что эта комната была преисполнена жизнью, причем такой полнотой жизни, какой вне ее, на улице, на дворе я никогда не встречал. Вот почему у меня такое отношение к смерти и почему я с такой силой переживаю слова апостола Павла: *Для меня жизнь — Христос, смерть — приобретение, потому что пока я живу в плоти, я отделен от Христа...* Но апостол прибавляет дальше слова, которые меня тоже очень поразили. Цитата не точна, но вот что он говорит: он всецело хочет умереть и соединиться со Христом, но прибавляет: “Однако, для вас нужно, чтобы я остался в живых, и я буду продолжать жить”. Это последняя жертва, которую он может принести: все, к чему он стремится, на что он надеется, чего он делает, он готов отложить, потому что он нужен другим.

Смерть я видел очень много. Я пятнадцать лет работал врачом, из которых пять лет на войне или во французском Сопротивлении. После этого я сорок шесть лет прожил священником и хоронил постепенно целое поколение нашей ранней эмиграции; так что смерть я видел много. И меня поразило, что русские умирают спокойно; западные люди чаще со страхом. Русские верят в жизнь, уходят в жизнь. И вот это одна из вещей, которые каждый священник и каждый человек должен повторять себе и другим: надо готовиться не к смерти, надо готовиться к вечной жизни.

О смерти мы ничего не знаем. Мы не знаем, что происходит с нами в момент умирания, но хотя бы зачаточно знаем, что такое вечная жизнь. Каждый из нас знает на опыте, что бывают какие-то мгновения, когда он живет уже не во времени, а такой полнотой жизни, таким ликованием, которое принадлежит не просто земле. Поэтому первое, чему мы должны учить себя и других, это готовиться не к смерти, а к жизни. А если говорить о смерти, то говорить о ней только как о двери, которая широко распахнется и нам даст войти в вечную жизнь.

Но умирать все-таки не просто. Что бы мы ни думали о смерти, о вечной жизни, мы не знаем ничего о самой смерти, об умирании. Я вам хочу дать один пример моего опыта во время войны.

Я был младшим хирургом в прифронтовом госпитале. У нас умирал молодой солдатик лет двадцати пяти, моих лет. Я пришел к нему вечером, сел рядом и говорю: “Ну, как ты себя чувствуешь?” Он посмотрел на меня и ответил: “Я сегодня ночью умру”. — “А тебе страшно умирать?” — “Умирать не страшно, но мне больно расставаться со всем тем, что я люблю: с молодой женой, с деревней, с родителями; а одно действительно страшно: умереть в одиночестве”. Я говорю: “Ты не умрешь в одиночестве”. — “То есть как?” — “Я с тобой останусь”. — “Вы не можете всю ночь просидеть со мной...” Я ответил: “Конечно, могу!” Он подумал и сказал: “Если даже вы и просидите со мной, в какой-то момент я этого больше сознавать не буду, и тогда уйду в темноту и умру один”. Я говорю: “Нет, вовсе не так. Я сяду рядом с тобой, и мы будем разговаривать. Ты мне будешь рассказывать все, что захочешь: о деревне, о семье, о детстве, о жене, обо всем, что у тебя в памяти, на душе, что ты любишь. Я тебя буду держать за руку. Постепенно тебе станет утомительно говорить, тогда я стану говорить больше, чем ты. А потом я увижу, что ты начинаешь дремать, и тогда буду говорить тише. Ты закроешь глаза, я перестану говорить, но буду тебя держать за руку, и ты периодически будешь жать мне руку, зная, что я тут. Постепенно твоя рука, хотя будет чувствовать мою руку, больше не сможет ее пожимать, я сам начну жать твою руку. И в какой-то момент тебя среди нас больше не будет, но ты уйдешь не один. Мы весь путь совершим вместе”. И так час за часом мы провели эту ночь. В какой-то момент он действительно перестал сжимать мою руку, я начал его руку пожимать, чтобы он знал, что я тут. Потом его рука начала холодеть, потом она раскрылась, и его больше с нами не было. И это очень важный момент; очень важно, чтобы человек не был один, когда уходит в вечность.

Но бывает и по-другому. Иногда человек болеет долго, и если он тогда окружен любовью, заботой — умирать легко, хотя больно (я об этом тоже скажу). Но очень страшно, когда человек окружен людьми, которые только и ждут, как бы он умер: мол, пока он болеет, мы пленники его болезни, мы не можем отойти от его койки не можем вернуться к своей жизни, не можем радоваться своим радостям; он, как темная туча, висит над нами; как бы он умер поскорее... И умирающий это чувствует. Это может длиться месяцами. Родные приходят и холодно спрашивают: “Ну как тебе? ничего? тебе что-нибудь нужно? ничего не нужно? ладно; ты знаешь, у меня свои дела, я еще вернусь к тебе”. И даже если голос не звучит жестоко, человек знает, что его посетили, только потому что *надо было* посетить, но что его смерти ждут с нетерпением.

А иногда бывает иначе. Человек умирает, умирает долго, но он любим, он дорог; и сам тоже готов пожертвовать счастьем пребывания с любимым человеком, потому что это может дать радость или помощь кому-то другому. Я позволю себе сейчас сказать нечто личное о себе.

Моя мать в течение трех лет умирала от рака; я за ней ходил. Мы были очень близки, дороги друг другу. Но у меня была своя работа, — я был единственным священником лондонского прихода, и кроме того раз

в месяц должен был ездить в Париж на собрания Епархиального совета. У меня не было денег позвонить по телефону, поэтому я возвращался, думая: найду я мать живой или нет?.. Она была жива, — какая радость! какая встреча! .. Постепенно она стала угасать. Бывали моменты, когда она позвонит в звонок, я приду, и она мне скажет: “Мне тоскливо без тебя, побудем вместе”. А бывали моменты, когда мне самому было не в состоянии. Я поднимался к ней, оставляя свои дела, и говорил: “Мне больно без тебя”. И она меня утешала о своем умирании и своей смерти. И так постепенно мы вместе уходили в вечность, потому что когда она умерла, она с собой унесла всю мою любовь к ней, все то, что между нами было. А было между нами так много!. Мы прожили почти всю жизнь вместе, только первые годы эмиграции жили врозь, потому что негде было жить вместе. Но потом мы жили вместе, и она меня знала глубоко. И как-то она мне сказала: “Как странно: чем больше я тебя знаю, тем меньше я могла бы о тебе сказать, потому что каждое слово, которое я о тебе сказала бы, надо было бы исправлять какими-нибудь дополнительными чертами”. Да, мы дошли до момента, когда знали друг друга так глубоко, что сказать друг о друге ничего не могли, а приобщиться к жизни, к умиранию и к смерти — могли.

И вот мы должны помнить, что каждый умирающий в таком положении, когда какая бы то ни была черствость, безразличие или желание “наконец бы это кончилось” — невыносимы. Человек это чувствует, знает, и мы должны научиться преодолевать в себе все темные, мрачные, скверные чувства и, забывая о себе, глубоко задумываться, вглядываться, вживаться в другого человека. И тогда смерть делается победой: *О смерть, где твое жало?! О смерть, где твоя победа? Воскрес Христос, и мертвецов ни один во гробе...*

Я хочу сказать еще нечто о смерти, потому что то, что я уже сказал, очень лично. Смерть нас окружает все время, смерть — это судьба всего человечества. Сейчас идут войны, умирают люди в ужасном страдании, и мы должны научиться быть спокойными по отношению к собственной смерти, потому что мы в ней видим жизнь, зарождающуюся вечную жизнь. Победа над смертью, над страхом смерти заключается в том, чтобы жить глубже и глубже вечностью и других приобщать к этой полноте жизни.

Но перед смертью бывают другие моменты. Мы не сразу умираем, не просто телесно вымираем. Бывают очень странные явления. Мне вспоминается одна наша старушка, такая Мария Андреевна, замечательное маленькое существо, которая как-то ко мне пришла и говорит: “Отец Антоний, я не знаю, что с собой делать: я больше спать не могу. В течение всей ночи в моей памяти поднимаются образы моего прошлого, но не светлые, а только темные, дурные, мучающие меня образы. Я обратилась к доктору, просила дать мне какое-нибудь снотворное, но снотворное не снимает это марево. Когда я принимаю снотворное, я больше не в силах как бы отделить от себя эти образы, они делаются бредом, и мне еще хуже. Что мне делать?” Я ей тогда сказал: “Мария Андреевна, знаете, я в перевоплощение не верю, но верю, что нам дано от Бога пережить нашу жизнь не раз, — не в том смысле, что вы умрете и снова вернетесь к жизни, а в том, что сейчас с вами происходит. Когда вы были молоды, вы, в узких пределах своего понимания, порой поступали нехорошо; и словом, и мыслью, и

действием порочили себя и других. Потом вы это забыли и в разном возрасте продолжали в меру своего понимания поступать подобно, опять-таки, себя унижать, осквернять, порочить. Теперь, когда у вас больше нет сил сопротивляться воспоминаниям, они всплывают, и каждый раз, всплывая, как бы говорят вам: Мария Андреевна, теперь что тебе за восемьдесят лет, почти девяносто — если бы ты оказалась в том же положении, которое тебе сейчас вспоминается, когда тебе было двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят лет, ты поступила бы так, как поступила тогда?.. Если вы можете глубоко взглядеться в то, что было тогда, в свое состояние, в события, в людей и сказать: нет, теперь, со своим опытом жизни, я ни за что не могла бы сказать это убийственное слово, не могла бы так поступить, как я поступила! — если вы можете это сказать всем своим существом: и мыслью, и сердцем, и волей, и плотью своей, — это от вас отойдет. Но будут приходить другие, еще и еще другие образы. И каждый раз, когда будет приходить образ, перед вами Бог будет ставить вопрос: это твой прошлый грех или это все еще твой теперешний грех? Потому что если вы когда-то возненавидели какого-нибудь человека и не простили ему, не примирились с ним, то тогдашний грех — ваша теперешняя греховность; она от вас не отошла и не отойдет, пока вы не покаетесь”.

В этом же роде могу дать и другой пример. Меня вызвала однажды семья одной нашей ветхой старушки, светлой-пресветлой женщины. Она явно должна была умереть в тот же день. Она поисповедалась, и напоследок я ее спросил: “А скажите, Наташа, вы всем и все простили или у вас какая-то заноза еще есть в душе?”. Она ответила: “Всем я простила, кроме своего зятя; ему не прощу никогда!”. Я сказал на это: “В таком случае я не дам вам разрешительной молитвы и не причащу Святых Таин; вы уйдете на суд Божий и будете отвечать перед Богом за свои слова”. Она говорит: “Ведь я сегодня умру!”. — “Да, вы умрете без разрешительной молитвы и без причащения, если не покаетесь и не примиритесь. Я вернусь через час” — и ушел. Когда через час я вернулся, она меня встретила сияющим взором и говорит: “Как вы были правы! Я позвонила своему зятю, мы объяснились, примирились он сейчас едет ко мне, и я надеюсь, до смерти мы друг друга поцелуем, и я войду в вечность примиренная со всеми”.